

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

4. Чжунсинфу (中興府) – управление столичного округа.
5. Перевод Е.И.Кычанова.
6. В < > скобки заключена приблизительная русская транскрипция китайского имени, прочитанного нами в тангутской транскрипции.

С.Л.Невелева

РОЛЬ МЕТАМОРФОЗЫ В ДИАЛОГАХ "МАХАБХАРАТЫ"

1. Наличие в эпосе отдельных фрагментов, которые отражают ритуальную традицию ведийских словпрений типа "брахмодья" ("говoreние о Брахмане"), можно считать установленным. Основной чертой брахмодических текстов, помимо вопросно-ответного построения (при возможности иных вариантов), а также смены ролей участвующих партий, является тематическое единообразие содержания, охватывающего комплекс элементов космического устройства.

2. Среди эпических диалогов по характеру участников выделяются два основных типа: 1) диалоги персонажей эпоса между собой и 2) диалоги, где по крайней мере одна партия принадлежит представителям мифологических миров – небесного и демонского. Далее речь идет о диалогах второго типа. Подобная словесная коммуникация не только предполагает известное противостояние сторон в диалоге, но и осуществляется строго определенным способом – с помощью метаморфозы одного из участников, т.е. функционального изменения его облика.

3. Эпический диалог, органически вписывающийся в контекст, предваряется экспозицией, которая "представляет" участников диалога. В рассматриваемых случаях "земная" сторона включает лиц, относящихся к царскому дому: это царь Юдхитхира, старший из пятерых братьев Пандавов; Карна, царь ангов, главный соперник эпических героев; Кунти (Притха), мать Карны и Пандавов. "Небесная" партия принадлежит мудрецу-риши Нахуше и богу Дхарме, олицетворяющему Закон (диалог с Юдхитхирой – гл. 177-178, 297)¹, а также богу солнца Сурье (диалоги с Карной и Притхой – гл. 284-286, 290-291) и, наконец, Индре, главе ведийского пантеона (диалог с Карной – гл. 294). Путем отсылки к некоему сюжету каждый из указанных мифологических персонажей "высшего уровня" сопрягается с Индрой: о Нахуше, например, говорится, что на небесах он был наделен властью Индры (176.18); в облике Дхармы Юдхитхира усматривает сходство с Индрой (297.13); Сурья, отец Карны, является сопер-

ником Индры, небесного отца его недруга Арджуны. Таким образом, экспозиция к подобного типа диалогам косвенно, составом сторон указывает на ситуацию царского посвятельного ритуала, целью которого является отождествление земного царя и небесного – Индры.

4. Учитывая существование в эпосе различных форм словесных контактов с участием мифологических партнеров, а также неоднородность тематики таких диалогов, целесообразно рассмотреть возможную взаимосвязь между этими факторами, с одной стороны, и превращенностью облика персонажей – с другой. Известно, что в мифах и раннефольклорных жанрах превращения служат одним из основных средств конструирования сюжета.

4.1. Явление царю божества в антропоморфном облики и чаще всего в облики брахмана (Сурья, Индра) конструирует диалог в совершенно определенном ключе: такой диалог имеет черты дискуссии, диспута на социально-этические темы, которые наиболее важны для эпического мировосприятия (например, о жертвенной щедрости, о свободе выбора женщиной брачного партнера и т.д.). Как по тематике, так и по форме такой диалог царя-кшатрия с божеством, а по существу – с брахманом безусловно и открыто социоцентричен, продвинут в сторону чисто эпических идеологем по сравнению с космологизмом содержания и метафорической формой ведийских брахмодья и их отражений в эпосе, полностью отвечая обычному представлению о диалоге между эпическими персонажами.

4.2. В тех диалогах, где облик одного из участников зооморфен (Нахуша-змея, Дхарма-птица), также отражена социально-этическая тематика, и ее осмысление вопреки сказочно-фантастическому облику одной из сторон вполне согласуется с общеэпическим. Так, Нахуша обсуждает с Юдхитхирой дискутируемый в эпосе вопрос о том, кого следует считать брахманом: того ли, кто будучи рожден в соответствующей варне, автоматически обретает этот статус, или же того, кто обладает высоким нравственным потенциалом, проявляемым в поведении. (Аналогичные идеи обсуждаются, например, в диалогедискуссии шудры Дхармавьядхи и брахмана Каушики – гл. 198).

4.3. Критерием продвинутости того или иного диалога в его формально-содержательном единстве в сторону относительно выработанного эпического стандарта можно считать незначительный удельный вес в его тематике и оформлении прямых мифологических и ритуальных реминисценций. Если сама форма диалога – комплекс метафор-загадок – не отсылает непосредственно к архаической брахмодье (как в диалоге Юдхитхиры с Дхармой или споре Аштавакры и Вандина – гл. 134), то такая отсылка может быть выявлена косвенным

путем – исключительно через доминанту содержания. Так, при общей социальности тематики, которая характерна для диалога Юджитхиры со змеем Нахушей, при выходах этого диалога в постулаты ранней санхьи, Нахуша, однако, определяет доминанту его содержания в брахмодическом смысле – как "говорение о Брахмане" (I77.42).

4.4. Самый общий вывод относительно взаимосвязи внешнего облика участников диалогов, разрабатываемой в них тематики и ее оформления таков. В диалогах, где одна из сторон зооморфна, доминируют космологические темы; там, где превращенный облик одного из участников антропоморфен, преобладают темы социально-этические. Ставить вопрос о четком разъятии содержания эпических диалогов на "архаику" и "продвинутость" представляется некорректным, рациональнее говорить о сосуществовании в эпосе двух деривативных форм диалога. Одна из них, фольклоризованная по оформлению, более полно соответствует архаической стилистике "словесного агона" (обмен загадками- метафорами, "говорение о Брахмане"). Вторая же диалогическая форма ("рационализированная") отвечает, по-видимому, более поздней традиции, когда метафоричность языка становится средством облечения в диспуте наряду с космологической – социально-этической и философской тематики.

5. Диалог юного брахмана Аштавакры и певца-панегириста Вандина в отличие от других, упоминавшихся ранее диалогов относится к композиционной инкорпорации, и уже само его положение "вставной истории" из доэпического прошлого позволяет расценить его как некую "адаптированную цитату". Этот диалог воспроизводит (и, по-видимому, достаточно строго) условия и содержание древнего брахмодического турнира. Характеристики его близки отмечаемым для диалогов с мифологическим партнером: 1) одна из сторон – пришелец, гость (Аштавакра), другая – хозяин ситуации (Вандин), 2) мотив изначальной слабости подвергающейся словесному испытанию сторона замещен сходным мотивом неполноценности – **малолетства**, 3) в экспозиции имеется диалог-дубль ("малое состязание"), 4) заранее заданы агонистические отношения сторон (Аштавакра намерен взять реванш за гибель своего отца, проигравшего на турнире), 5) известна ставка состязания – смерть путем утопления, уготованная тому, кто проиграет. Не укладывается в схему эпических диалогов, которые сохраняют архетипические черты словесных состязаний брахмодья, только одно обстоятельство: отсутствие четко оговоренной превращенности облика хотя бы одной из сторон.

Однако, в экспозиции к диалогу есть сюжетный ход, который "не работает" вне связи с идеей превращения – это проклятие отца

Аштавакры, адресованное еще не родившемуся сыну: "Быть тебе восьмикратно скрученным!" (132.9). Имя Аштавакра можно поэтому толковать как "плод", "эмбрион". Условная превращенность облика и принадлежность к "небесной" партии диалога не совпадают здесь в одном лице: "превращен" брахман Аштавакра, а "небесную" сторону представляет поэт Вандия, сын бога Варуны. Очевидно, совпадение обоих факторов в одном носителе является спецификой собственно эпического диалога, композиция которого формируется по внутренне присущим эпосу законам стремящейся к стабильности формы. И тем не менее приуроченное к концу эпизода раскрытие "истинного статуса" Вандина (сын Варуны) может рассматриваться как знак антропоморфной превращенности его облика, и тогда этот диалог по основным параметрам полностью подобен описанным.

6. Основными пространственными характеристиками места, где происходят такие диалоги, являются различные эквиваленты мирового дерева (гора, царский дом и т.д.) и вода. Во всех упомянутых диалогах (правда, с различной полнотой) представлен мотив узнавания отца (соединения с отцом). Возможно, сама метаморфоза "небесной" стороны диалога и осуществляется частично для того, чтобы возник начальный вопрос-загадка о будущем и до поры неизвестном собеседнике - кто это? Такой вопрос задает Юдхиштхира змею-Нахуше (здесь отец подменяется основателем рода) и тот же Юдхиштхира Дхарме, своему отцу. Карне сужденс узнать своего отца в Сурье, действиями Индры против Карны руководит его отцовская привязанность к сопернику героя Арджуне, Притхе ее приемный отец рассказывает о родном, Вандин после поражения в споре отправляется в океанские воды - на встречу со своим отцом Варуной, мать Аштвакры вынуждена открыть ему обстоятельство гибели его отца.

Возможно, при всех остальных соответствиях диахронически прочтенных диалогов эпоса словесной стороне архаического ритуального агона эпический мотив узнавания отца, соединения с отцом - дань памяти некоему реальному условию ритуала, которое зафиксировано загадкой о мировом дереве в "Ригведе" и отражено в целом ряде ведийских текстов.²

-
1. Нумерация глав и стихов дается по критическому изданию "Махабхараты" - *The Mahābhārata, Āraṇyaka-parvan*, pts 1-2, crit. ed. by V.S. Sukthankar, Poona, BORI, 1942.
 2. Т.Я.Елизаренкова, В.Н.Топоров. О ведийской загадке типа брахмодья. - Паремнологический сборник. М., "Наука", 1983, с. 14-69.